
Владимир Горбулин посетил Вашингтон в начале сентября (1996 года. – Прим. редактора). Официальные должностные лица США к тому времени уже признали его как серьезного и ценного собеседника. По образованию ракетный инженер, он был главным конструктором* боевых зарядов межконтинентальных баллистических ракет SS-18, которые могли нести несколько боеголовок и вызывали сильную обеспокоенность в Пентагоне во время холодной войны. Горбулин был близким и лояльным к Кучме, вместе с которым он работал на ракетном заводе «Южмаш».

Горбулин не проявлял собственных независимых политических амбиций. Будучи, вероятно, наилучшим стратегическим мыслителем Украины, он также знал, как получить необходимые результаты в дебрях киевской бюрократии, деятельность которой все еще мистифицируют в Вашингтоне, а также доказал свою опытность в решении практических проблем. Многие рассматривали его как четвертого наиболее влиятельного (в Украине. – Прим. редактора) государственного чиновника после Кучмы, премьер-министра и председателя Верховной Рады. Заядлый баскетбольный болельщик, он возглавил украинскую Национальную баскетбольную ассоциацию и обожал Майкла Джордана.

Горбулин стал личностью, с которой следовало встретиться, когда возникали трудноразрешимые вопросы в повестке дня отношений Украины и США. Вес, которым наделяли Горбулина высокопоставленные лица США, был отмечен даже в программе, подготовленной к его визиту. Она включала встречи с Лейком, Перри, Тэлботтом, Фуэртом и директором ЦРУ Джоном Деitchем.

СТИВЕН ПАЙФЕР,
бывший посол США в Украине
(Цитата из книги «Орел и трезубец:

Американо-украинские отношения в беспокойные времена». –
*Steven Pifer. The Eagle and the Trident:
U.S. – Ukraine Relations in Turbulent Times*)

---

* На самом деле в КБ «Южное» я занимался проектированием орбитальной головной части ракет под руководством Юрия Алексеевича Сметанина. – Прим. автора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	9
Глава первая. Все было впервые и вновь... ..	19
Глава вторая. Кучма. Команда. Принципы	37
Глава третья. Отойти от края бездны	55
Глава четвертая. Западный вектор	71
Глава пятая. Кадровая болезнь, которой могло бы не быть	89
Глава шестая. В прожекторе миллениума	107
Глава седьмая. Вызовы нового тысячелетия	121
Глава восьмая. Траектория спирали: путь к большим переменам	137
Глава девятая. Ющенко. В зоне турбулентности	157
Глава десятая. Янукович. Курс на катастрофу	177
Глава одиннадцатая. Перекресток с названием «война». Пятый президент	199
Глава двенадцатая. В новой системе координат. Украина–2030	217
Вместо эпилога	237
Приложения	240

Приложение 1. Ядерное разоружение Украины	240
Приложение 2. Письма Дэниела Голдина, девятого администратора НАСА	256
Приложение 3. Письмо Самюэла Бергера, советника президента США по вопросам национальной безопасности	260
Приложение 4. Письмо Уильяма Перри, министра обороны США	264
Приложение 5. Письмо Строуба Тэлботта, заместителя государственного секретаря США	267
Приложение 6. Письмо Джорджа Робертсона, генерального секретаря НАТО	270
Приложение 7. Письмо Яапа де Хооп Схеффера, генерального секретаря НАТО	272

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Осень 2018 года оказалась на редкость теплой. Гидрометцентр патетически вещал о том, что побиты все рекорды, наивный обыватель радовался возможности экономить на коммунальных платежах и нежиться в лучах нехолодного солнца.

Но в политической жизни государства, напротив, воцарилось необычайное напряжение. Эта осень ознаменовалась новым, беспрецедентным наступлением Москвы – впервые с открытым забралом, с явным вызовом и откровенным пренебрежением международной системой безопасности. Однако с традиционным попиранием прав человека, с сардонически-насмешливым отношением к жизни человеческой в принципе...

Прекращение действия так называемого Большого договора между Украиной и Россией – Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией, к подписанию которого я самым непосредственным образом был причастен, – стало исходной точкой новой эпохи в отношениях двух государств. Мы оказались близки к разрыву дипломатических отношений. Былые партнеры оцетинились, как псы перед схваткой. Война полномасштабная, без ограничений и сдерживающих рамок, впервые представилась как вполне возможная реальность... Но не менее страшным было осознание того, что даже с учетом короткой народной памяти искусственно спровоцированный Кремлем развод между украинским и российским народами – надолго. Не исключено, что подобно круто замешаному тесту враждебности хватит не на одно будущее десятилетие.

Если участие регулярных войск РФ в организации кровавого Иловайского котла и постоянное присутствие российских военных на Донбассе Кремль старательно обставлял так, чтобы Запад, прекрасно понимая роль России как поджигателя войны, имел возможность реагировать вяло и мягко, то в конце осени 2018 года хищник показал звериный оскал. Давно набухавшая туча разразилась громогласной грозой. С приближением в Украине президентских выборов Кремль потерял былую сдержанность – слишком многое поставлено на кон. Из равновесия Москву вывели также внешние факторы, и в первую очередь, вероятно, ее тупиковый диалог с Вашингтоном. Черная риторика Кремля набрала обороты и приобрела гротескные формы. Патовая ситуация с очередными попытками активно влиять на выборы в западных столицах, очевидная невозможность вбить клинья между членами НАТО, растущие сложности с «Северным потоком-2», наконец, явное высказывание Украины из рук, – все это подталкивало российское руководство к следованию твердолобой, смертельно опасной для всего живого мира логике.

Такая ситуация сложилась в значительной степени из-за слабости западного мира. Увы, Запад все еще лишь реагирует на авантюры Кремля, не действуя на упреждение. Запад если не разделен, то точно не объединен общей формулой стреноживания коварного противника. Слишком тяжело ключевым игрокам оторваться от собственного благополучия и сформировать консолидированную, реалистично воинственную позицию. О планах же создания антипутинской коалиции к концу 2018 года не упоминалось даже в неформальных дискуссиях, хотя именно тогда стало ясно, что без этого Запад не сумеет победить.

Часто приходится слышать, что Украина в этой глобальной конфронтации является полигоном и целью одновременно. Однако не стоит забывать, что только мы сами можем освободить себя от неподобающего ярлыка «объект» в современных международных отношениях. Реакция западных государств на военную агрессию России на море оказалась вполне предсказуемой: помогать Украине будем, но вмешиваться не станем. Эта формула тождественна и для сценария широкомасштабной войны России против Украины.

Все мы должны отдавать себе отчет, что такая позиция Запада, как и все сумрачные события пяти лет новой российской-украинской

войны, являются следствием шагов самой Украины – либо не принятых вовремя, либо неверно реализованных. Мы пожинаем то, что легкомысленно или непредусмотрительно посеяли сами. Десять и двадцать лет назад. Вот почему я убежден в необходимости без лишних эмоций заглянуть в прошлое, чтобы извлечь на свет Божий те уроки, которые непременно дарует анализ ошибок и достижений, просчетов и белых пятен украинской государственной политики. Только основательно изучив и осмыслив прошлое, мы сумеем сформировать более эффективную повестку дня будущего.

Во власти я был пять лет – с 94-го по 99-й год, все остальное время находился где-то рядом: чуть ниже, чуть выше. Стремился к положению, которое американцы называют *beyond and above* (вне и выше). Я был советником по вопросам безопасности трех украинских президентов. Как участник разработки и претворения в жизнь решений государственного масштаба, хорошо представляю сложности и перипетии отечественной политики. И это подтолкнуло меня к попытке же в качестве ученого переосмыслить эпоху становления независимой Украины и дать оценки многим событиям и личностям, которые причастны к легке нынешнего облика нашего государства.

Никколо Макинавели справедливо заметил: «Чтобы узнать, что должно случиться, достаточно проследить, что было... Это происходит оттого, что все человеческие дела делаются людьми, которые имели и всегда будут иметь одни и те же страсти и поэтому неизбежно будут должны давать одни и те же результаты».

Государство Украина – так уж случилось – попало в зону смертельно опасного шторма, и, разумеется, не случайно. Факторы риска были заложены, как у иных болезненных детей, в самый момент рождения. И ныне Украина сталкивается все с теми же нерешенными проблемами, что и в первый день независимости. Но так же, как бывает с людьми, страна, пережившая тяжелую болезнь в детстве, может жить долго и счастливо. Украина имеет все возможности превратить свои слабые места в козыри, как-то: расположение на геостратегическом перекрестке разных интересов. Все меньше становится зависимость от внешнего мира, постепенно погашаются огромные долги, идет борьба с подрывающей основы государства коррупцией, исправляется и многое другое. Благодаря транзиту

можем стать мостом между Европой и Азией; также мы способны предоставить региону и миру неограниченный интеллектуальный потенциал; наконец, новую армию, возвращенную на современных технологиях. Разве это не достаточные основания для регионально-го лидерства?

Чем-чем, а выдающимися людьми Украина славилась во все времена. К сожалению, слишком часто они приумножали потенциал других государств. Но очередная война России против Украины основательно спугала карты, заметно сыграв на объединение нации. Все мы сгруппировались и настроились на тяжкую продолжительную работу, утратив и былой пацифизм, и постсоветские иллюзии относительно союзников, гарантий и великой дружбы народов.

Уверен, что главной задачей политиков и чиновников нового времени должно стать формирование объединяющей всех украинцев национальной идеи, окончательное преодоление разобщенности в социуме. Чехистская кремлевско-путинская война уже обнажила нестибаемый стержень украинской нации, и в стране появились реальные современные герои. Хотя, будем честны, на месте элиты все еще легко можно обнаружить кучку лицемеров. Рассматривая страну как золотиносный принск, они ухитряются беззастенчиво высекать золотые искры даже там, где идет кровавая битва за суверенитет страны.

Я убежден: мы победим, но окончательно победим тогда, когда подавляющее большинство украинцев начнет связывать свою самореализацию с Родиной. Как удержать появившихся на свет уже в независимой Украине потомков Ярослава Мудрого от тотального разочарования – вот вопрос, экзистенциальный для нашего государства. Попытке ответить на этот вопрос посвящена практически каждая глава этой книги.

Один наш доморощенный политолог заметил, что «большинство бед Украины связаны с тем, что у ее элиты совсем маниюсенькие, а точнее, ничтожные мечты».

Да уж, век высоких технологий заметно притупил основные инстинкты цивилизации. Они не просто сместились в сугубо утилитарные области, такие как экология или энергетика, – в значительной степени были преданы забвению былые приоритеты. Великий

Швейцер сетовал, что его поколение «в духовном отношении могло пасть так низко, чтобы отказаться мыслить». Однако почти сто лет спустя ситуация ухудшилась – как ни странно, достижения цивилизации лишь усугубили болезнь. Интеллектуалы нашего времени заботятся прежде всего о том, чтобы новаторство хорошо продавалось, становясь конкурентоспособным на рынке услуг. А в это время Украина, как и весь мир, испытывает крайний дефицит современных Ролланов, Расселов, Эйнштейнов, способных своим авторитетом влиять на политиков, формируя гуманистические мотивации. И даже один голос имеет значение. Это своими судьбами доказали, к примеру, Андрей Сахаров и Роберт Опенгеймер. И еще очень многие отважные люди, осмелившиеся бросить вызов сильному миру сего.

Думаю, здесь уместно упомянуть знаменитый Кодекс Рамсфелда. Дважды занимавший пост министра обороны США Дональд Рамсфелд – необыкновенно интересная личность, и он выписал правила поведения на все случаи жизни, которые могут складываться в Белом доме. Два правила, самые любопытные для меня, приведу.

Первое: «Цена пребывания рядом с президентом – умение говорить ему неприятные вещи». Неприятные – означает в том числе нежелательные, колкие, хлесткие. И второе правило: «Ты только тогда можешь войти в Белый дом, когда готов говорить президенту исключительно правду». Оба постулата пересекаются, но и характеризуют, мне кажется, всю сложность отношений главы государства и тех, кто с ним работает. На мой взгляд, заняв пост президента, человек начинает, что естественно, жить интересами всей страны, и его друзья и близкие не всегда это понимают. Видимо, и президент уже предпочитает общение с отдаленными от него людьми, которые не видят его в ежедневной рутине. Работать бывает сложно, а степень проникновенности друг в друга так велика, что это начинает раздражать.

Все мы часто задаемся вопросом: почему Кремлю удается порой манипулировать общественными настроениями в Европе, в том числе путем последовательных нажимов и подкупов? Можно ли вообще говорить о каких-то странах как о носителях демократических ценностей, если ценности, оказывается, так легко девальвируются под воздействием ложных и реальных угроз? Задумываются над этим и

европейские аналитики. Скажем, британский журналист и публицист Эдвард Лукас заметил: «Говоря о Путине, мы сталкиваемся с проблемами в отношениях с ним, зачастую ему и проигрываем не потому, что мы объективно слабы, а потому, что мы слабовольны». Вместе с тем многие на Западе до сих пор живут иллюзиями.

Нынешняя Россия поистине страшна своей духовной опустошенностью. Мрачным символом может служить травля Андрея Макаревича, похожая на попытку живьем похоронить другого выдающегося Андрея – Сахарова. А печальное замечание Владимира Сорокина о том, что Россия «опять стала тоталитарной страной, почти феодальной, как в средние века», стало лозунгом всех тех, кто не решился думать. Записавшие же в лютые слуги к хозяину Кремля выглядят на фоне самопровозглашенного недомонарха еще более нелепо, чем сочинители «Малой земли» и «Поднятой целины».

Мне вспоминается симптоматичный эпизод декабря 2006 года. Я принимал участие в эфире прямого телемоста, искусно организованного Савиком Шустером. В программе участвовал Владимир Жириновский – эдакий политический шулер, зрелищно и нахально пропагандирующий верховенство московской метрополии в постсоветском мире. Я давно хотел с ним пересечься: хамство его раздражало, а отпора он, как правило, не получал. Во время телемоста он, как всегда, принялся обзывать украинцев, поляков и грузин.

Я попросил у Шустера микрофон.

– Господи Жириновский, мы мечтаем пригласить вас в Киев. Чем раньше, тем лучше. Есть надежда, что вы приедете?

– А почему не приехать? – без раздумий ответил Жириновский.

– А отчего спешка такая?

– У нас в Киеве проходит потрясающая выставка Франсиско Гойи. Его знаменитая серия «Капричос». Помните: «Сон разума порождает чудовищ»? Я договорился, вас жду.

Последовало двухминутное молчание, которое завершилось неприводимой игрой слов.

Почему я тут вспомнил о Жириновском? Потому что, сталкиваясь с российской государственной риторикой, мы всегда будем иметь мед на кончике кинжала. Снаружи – возмутительно лицемерное ублаживание сказками о великой дружбе народов, внутри – извечное

помещичье желание обладать землей с крепостными крестьянами. Потому любой украинский проект Москвы похож на отсрочку удара на плахе.

В своей геополитической игре Москва нуждается в искусных проводниках шовинизма, неистребимого в России. Вся российская национальная идея зиждется на мысли о превосходстве, завернутой в элатажные фантики. Эти-то пустышки и берутся «продавать» народу всевозможные маргинальные «волхвы» – от Жириновского и Лимонова до Проханова и Дугина. Идеология РФ не трансформируется, незамысловатая ее казустика попросту модернизируется и приобретает по-новому блестящие упаковки. Об «оторванных от русского народа тридцати миллионах» (при распаде СССР) горькие слезы проливает «проницательный» Проханов, попутно пугая Холокостом-2 и предлагая РФ нанести удар по Украине в ответ на американскую ракетную атаку в Сирии. Ему вторит экзальтированный Дутин, убеждая, что России «нужна свободная Украина», а «распад» нынешней «неизбежен», просто нужно «изгнать из Украины дьявола». Но в ходе новой войны уже сформировалась молодая когорта преемников с откровенно национал-фашистскими замашками. Типологическим образом может служить некий Захар Прилепин, охотно воевавший на Кавказе и в составе российских группировок на оккупированных территориях под названиями «ЛНР» и «ДНР».

Нам нужно хорошо знать, с кем мы имеем дело. И правильно выстраивать свою риторику, чтобы на фоне демагогических завываний она не выглядела более слабой.

Одновременно с этим Украине стоит научиться отстаивать свои национальные интересы и в диалогах с Западом. Страна, добровольно отказавшаяся от нацеленных на Вашингтон межконтинентальных баллистических ракет, получившая удар поддых от одного из гарантов безопасности и так и не дождавшаяся обещанных гарантий от двух других, имеет право на собственный громкий голос на международной арене. Трагикомично было слышать после оккупации Россией Крыма и Донбасса, как президент США Барак Обама отметил уникальный вклад Украины в дело ядерного разрушения. Увы, признавая Украину игроком на мировой арене, с нею не слишком считаются.

Но мы сами в этом виноваты, разве нет?

[Купить книгу на сайте knpa.biz.ua >>>](http://knpa.biz.ua)

Именно поэтому в фокусе моего внимания украинские элиты – лидеры в разных сферах, которые формируют векторы развития государства.

Мои наблюдения за процессом разработки и принятия важных государственных решений привели к выводу, что самая болезненная проблема современной Украины – профессиональная деградация. Во всех сферах, и в секторе безопасности особенно. А те, кто называет себя политической элитой, чаще руководствуются жадной мести и не способны даже к самоиронии. Планирование на стратегическую перспективу исчезло с повестки дня. Оно едва поспевает за днем сегодняшним, часто даже не дотягиваясь до дня завтрашнего. Почему? Возможно, причина лежит совсем в другой плоскости. Заслуживает внимания фактурная оценка нынешней нашей элиты известным отечественным социальным психологом и писателем Олегом Покальчуком: «Элита удивительным образом совмещает в себе образованность и малокультурность, знание языков, полгитеса и дикий провинциализм при масштабировании событий».

Украина обладает исполненным инвестиционным потенциалом. Но в страну не спешит инвестор. Приходу инвестиций в Украину мешает ее плохой имидж на Западе, – таким выводом огорошил информационное пространство в середине сентября 2016 года соучредитель и содиректор инвестиционного фонда *The Carlyle Group* Дэвид Рубенштейн. На саммите *YES-16* он заявил: «Большинство людей в США не знают об Украине ничего (!). А когда им пытаются рассказать об Украине, то они думают, что тут война. Они не знают о хорошо образованном населении, природных ресурсах, правительстве, которое настроено стимулировать инвестиционный климат».

Эксперты вполне убедительно утверждают, что современная ситуация в Украине практически делает невозможным привлечение иностранных инвестиций. Потенциальным инвесторам нужны не только гарантии, но и прозрачные правила игры, которые власть не готова обеспечить.

Однако есть сегодня и повод для оптимизма. Говорят, что только в катаклизмах и потрясениях рождаются сильные личности. То же происходит и с государствами. Мы помним, что «северный ветер создал викингов...». Вероломность Москвы, которая угадывалась с

первых лет миллениума и в которую отказывались верить в Киеве и европейских столицах, может стать исходной точкой укрепления государственности и кристаллизации национальной идеи. Нарыв прорвался войной и превратился в гангрену конечности, но сепсиса нет. Значит, имеем основания говорить о возможности качественных изменений.

История не только одной страны, но всей цивилизации свидетельствует, что прошлое во многом предопределяет будущее. Потому, пытаясь на фоне личных воспоминаний оценить новую украинскую эпоху и размышляя вслух о рецептах лечения и перспективах роста выдающейся нации, я хочу предельно откровенно высказаться обо всех событиях, участником которых мне довелось быть.

Моя единственная цель – дать поколениям украинцев, идущих вслед, плодотворную пищу для размышления, которая поможет преобразовать Украину. Искренне верю, что наша благодатная страна с героическими традициями и историческим шлейфом трагичности сумеет стать региональным лидером.

Я всегда стремился к справедливости и воспитывал в себе способность к действию. Не боялся никакой работы. Моя личность – это моя душа. Она мне кажется живой, хотя даже на девятом десятке я держу ее в ежовых рукавицах. У меня есть такие строчки:

*Будь создание в тебе огнем,
недостижимого стремись написать,
неизладимому подставь ладонь
и будь счастливой, как в полете птица.*

Ваш Владимир Горбуленко
Горбуленко

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ВСЕ БЫЛО ВПЕРВЫЕ И ВНОВЬ...

Рассуждая о первых годах украинской независимости, очень важно осознавать – становление суверенной Украины, как и других постсоветских государств, в чем-то походило на физические процессы зарождения Вселенной, образования галактик и планет. Какие-то оформленные, с отчетливыми границами структуры медленно проступали из абсолютного хаоса, возникшего с распадом СССР. И во многом эти процессы до сих пор не завершены. Чтобы понять обстановку, в которой приходилось работать в то время, и беспристрастно оценить все, что было сделано и не сделано, все верные и ошибочные, трудные решения, которые тогда принимались, нужно учитывать состояние огромной энтропии, царившее в те годы повсеместно.

Распад Советского Союза для меня, как и для очень многих, стал событием шокирующим, чем-то сродни землетрясению. За ним неминуемо должен был последовать тектонический сдвиг в сознании. Но стоит отметить, что к 1991 году я уже мог назвать себя советским человеком лишь отчасти. И далеко не только перестройка сыграла в этом процессе свою тлетворную, подтачивающую роль. Хотя обретение не горящих рукописей Булгакова, новый прожекторный свет на личность искусственно заретушированного Пастернака, публикация взрывоопасного, завезенного в СССР солженицынского

«Архипелага» и даже появление досужих разговоров о вопиющем голоде в Украине в начале 30-х годов – все это не могло пройти незаметно для советского гражданина. Правда, когда я в своей партийной среде мелком обмолвился о том, что «Доктор Живаго» ничем не уступает «Тихому Дону», тут же испытал на себе пунами критики. Инерция поклонения «старшему брату» была в номенклатурной части советского общества еще довольно сильна. Но, так или иначе, послушный и терпеливый *homo soveticus* уже был инфинцирован неустрашимым вирусом свободы. Когда же в 1989 году в Москву приехал совсем еще недавно растоптанный Войнович (с немецким паспортом, но по приглашению «Мосфильма») для воплощения в жизнь идеи Эльдара Рязанова снять фильм о смешном и эпохальном Чонкине, стало понятно – исторический перелом необратим.

Однако смею утверждать, что коренной перелом в моем сознании начался в 1982 году, когда в составе делегации УССР я был участником Международного конгресса астронавтики, проходившего в Австрии. Там-то и зародилось по-настоящему критическое восприятие советских реалий. Мне неизвестно, по каким соображениям партийное руководство решило включить меня в состав делегации, которую возглавлял академик Г. С. Писаренко, директор Института проблем прочности.

Это была моя первая заграничная поездка – до нее я был полностью «невыездным», поскольку имел прямое отношение к секретным программам по созданию советских стратегических ракетно-ядерных вооружений. Но атмосфера подкупающей свободы, буквально пропитывавшая все в австрийской столице и ее пригороде Бадене, где нас разместили, определенно повлияла на мое мировоззрение и сказала даже на моей деятельности в рамках самого мероприятия. Тогда мне впервые пришла в голову мысль, что я из заколдованного королевства чудесным образом попал в реальный мир. Изумляло все, но особенно неприметные нюансы – не заготовки, а естественные вещи. Например, я помню, как меня кольнула такая, казалось бы, мелочь. Во внутреннем дворике, куда участники форума вышли с кофе и сигареткой, не хватало места на лавочках, и кое-кто запросто уселся на бордюры, продолжая живую дискуссию. Меня тогда на миг охватило чувство непреодолимой тоски.

Как представитель украинской делегации я попал на «крутый стол» «Космос и человечество». И уже на тридцатой минуте мероприятия, после ряда весьма рутинных докладов, поднял табличку с надписью UKRAINE, чтобы взять слово, чем вызвал крайнее удивление у японца, руководителя «круглого стола», – я стал первым представителем Украины, высказавшимся на конгрессе. Помню и содержание своего выступления: необходимость создания новых образцов ракетной техники, способных вывести исследования космоса на новый уровень.

Я надолго запомнил, что можно, оказывается, говорить свободно до неприличия и вести себя так непринужденно, словно все мы старые закадычные друзья и не было между нами невидимой, непрошибаемой стены. Мы как будто даже дышать стали по-другому. Запомнилось, среди прочего, общение с представителями советской делегации, которые курировали вопросы международных отношений в контексте космических исследований. Меня тогда поразило крайне раскованное по советским меркам поведение представителей Московского государственного института международных отношений, которые, казалось, не особо задумывались над каждым произнесенным словом. Жесткие каноны поведения советских людей за границей нарушались там коммунственно, что представлялось мне символьным. Но, конечно, не это было главным.

Тогда у меня – человека, настроенного советской системой на волну восприятия блока НАТО исключительно как вероятного противника, – вдруг возникли (и затем укрепились) мысли о сфере космических исследований как о потенциальной точке сближения. Я ясно увидел, что именно созидающая наука будущего вполне способна не только сыграть на снижение градуса царившей в те годы напряженности, но и создать условия для воплощения в реальность теории политической конвергенции, идеологом которой являлся Андрей Дмитриевич Сахаров. Мне тогда представлялось, что совместные исследования космоса, несомненно, станут такой объединяющей наукой будущего. А может быть, даже наукой, формирующей ноосферу, о которой грезили Тейяр де Шарден и Владимир Вернадский. Наверное, именно эти размышления несколько лет спустя в уже независимой Украине подтолкнули меня к созданию Национального космического агентства.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

А тогда, в 82-м, ученые западного мира нам попросту сигналили о необходимости менять парадигму сосуществования на планете. Хотя, конечно, не все было так просто. Скажем, по моему выступлению американцы и англичане быстро поняли, что я – специалист в области ракетостроения, пусть и... занимаю непонятную для них должность. Так или иначе, мой чемодан, который я сдал в багаж при посадке в венском аэропорту, вместо Борисполя почему-то оказался в немецком Лейпциге. Но у меня есть хорошая привычка: не хранить в личном багаже документы, содержащие даже намеки на какие-либо секретные сведения.

Но если серьезно, к тому времени уже было совершенно очевидно, что любой конфликт с применением ядерного оружия закончится гарантированным уничтожением человечества. К стати, первый раз порог ракетного конструкторского бюро я переступил именно в 1962-м – в год опаснейшего противостояния держав, когда разразился кошмар под названием «Карибский кризис». Мир тогда впервые оказался на грани термоядерной войны. Полагаю, страшно было всем, кто не разучился думать. Но те, кто создавал ракетно-ядерное оружие, лучше политиков представляли весь ужас последствий возможной катастрофы... Никто тогда не спрашивал у главного конструктора Михаила Янгеля совета: «отправлять – не отправлять» ракеты средней дальности на Кубу; никто не советовал с атомщиками: «отправлять – не отправлять» ядерные заряды. Сам факт доставки ракет на Кубу руководством страны тщательно скрывался и стал известен, когда фактически все уже было сделано... В те дни на Михаила Кузьмича было страшно смотреть: выдающийся ученый стал обыкновенным заложником сомнительной политики. По сути, все мы стали ее заложниками – и народ, и весь мир. Впоследствии удалось отойти от роковой черты, но в целом обстановка в мире оставалась накаленной, а к середине 80-х снова стала приближаться к точке невозврата.

Мои либеральные настроения впоследствии стали созвучными вениям перестройки, начавшейся в СССР. И это был не единственный пример совпадения фундаментальной перемены в моих взглядах с тектоническими сдвигами в советской общественно-политической жизни.

Если откровенно, острая жажда свободы была свойственна мне с детства. Так получилось, что время формирования личности и начала моей взрослой жизни фактически совпало с другим важнейшим периодом в истории страны – «хрущёвской оттепелью». Я окончил школу в 1956 году, когда состоялся XX съезд КПСС, весьма смело развенчавший культ личности Сталина. Это событие, пусть где-то в глубинах подсознания, оказало громадное влияние на формирование моих убеждений, укрепило интерес к политике, а также побудило тягу к открывшимся тогда пластам русской литературы. В целом сенсационный крах культа личности потребовал переосмысления всего, что происходило в государстве. Меня увлекала политика, я даже собирался поступать в МГИМО и по окончании школы получил соответствующее направление в райком партии, но все же избрал для себя другой путь.

Немаловажно, что мои литературные предпочтения также испытали крамольное влияние «оттепели». Ведь давно известно, что хорошие книги развивают не только вкус, но и острое чутье реальности, а также способность заглядывать за амальгаму общественного зеркала.

Началось все с внезапно обнаруженной в шестом классе сокровищницы – не где-нибудь, а в гостинице у соседа-эстонца. Это была богатейшая библиотека – поистине страна чудес и кузница воображения; в ней можно было отыскать любые параллельные миры.

В юности я читал все, что попадалось под руку, а мои литературные пристрастия во многом предопределила учительница русской литературы, которая еще до разоблачительного съезда, с девятого класса, прививала нам любовь к полузапрещенным лирическим текстам раннего Маяковского и практически полностью подцензурному Есенину. Именно она впервые познакомила меня с творчеством Ахматовой и Пастернака. А «Двенадцать» Блока, который не входил в школьную программу, но к которому без лишнего пафоса приобщила учительница, перевернули мое восприятие картины мира. «Скифы» я отыскал и прочел уже сам, и это осталось со мной навсегда, навечно закрепилось в сознании. Я недоумевал: как человек, написавший «Стихи о Прекрасной Даме» и «Незнакомку», мог прийти к «Скифам» и «Двенадцати»? Какой должна была быть трансформация сознания, и что за раздражители эту трансформацию развили?!

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Потом в мой мир явились Ходасевич и Хлебников, еще чуть позже – Окуджава и Бродский. Так я и брел по этим чудесным зарубкам, правда, в кабинетах был не столь откровенен, как порой хотелось... Слишком мало людей могли разделить мою радость познания лирики и наслаждение волшебством мастеров словесности...

С учительницей литературы мы поддерживали связь и после школы. Она передавала мне отдельные, вырванные из книг страницы с запрещенной прозой и поэзией, делая этой практически утраченной, очень тонкой и трепетной частью нашей общей культуры, массовый интерес к которой пробудила «оттепель». Правда, к тому времени я уже учился в университете, и мои интересы стали несколько иными.

Увлечение политикой и недоступной массовому советскому читателю литературой, многие видные деятели которой бежали из СССР за границу, закономерно привлекли мое внимание к такому явлению, как эмиграция, переосмыслению ее причин. Найти какую-либо информацию по этой теме было в те годы крайне сложно, но общая тенденция критического восприятия официального курса, идеологических догм и всего советского строя начала оформляться именно тогда.

В целом «оттепель» как политический процесс сформировала мое глубоко уважительное отношение к личности Никиты Хрущёва – человека с бесспорным авантурным началом, игрока, действовавшего чаще по интуиции, чем на логических основаниях. Это стало очевидным для меня позже, когда я осознал степень неготовности нашей страны и ее ракетных программ к противостоянию с США во время уже упомянутого Карибского кризиса. Тем не менее даже авантюристом Хрущёв был выдающимся. Ему фактически с помощью блефа удалось выторговать невероятно выгодные условия для СССР по итогам этих событий. Это было подобно блестящему выигрышу в покер игрока, который никогда прежде в него не играл.

Недавно я снова вспомнил об этой черте Хрущёва – способности мастерски играть на грани провала, – когда услышал заявления Владимира Путина о новых российских ракетных вооружениях и перспективных разработках. Большая часть их несовершенна, иначе ГКБ «Южное» и ПО «Южмаш» не стали бы по просьбе Путина трижды продлевать гарантийные сроки межконтинентальных баллисти-

ческих ракет Р-36М2 (по классификации НАТО – SS-18). С точки зрения преодоления противоракетной обороны, они остаются и на сегодня лучшими ракетами в мире, что, кстати, честно подтвердили американские специалисты Агентства по противоракетной обороне на нашей совместной конференции в Пентагоне в 2002 году. Мне кажется, между этими политиками-авантюристами можно провести много параллелей, хотя Путин в своем авантюризме куда менее успешен и талантлив. Полагаю, даже с учетом всех оговорок, то, что совершил Хрущёв в 1956 году, для нашего общества является беспрецедентным событием и громадным шагом вперед.

Избрав в итоге научную стезю, я испытал мощное влияние взглядов выдающихся ученых, деятельность которых была связана с созданием ракетно-ядерных вооружений и которые все же твердо стояли на гуманистических позициях, – таких, как Роберт Опенгеймер и Андрей Сахаров. Эти люди, ставшие основателями целых отраслей науки, осознали потенциальную угрозу, которую несли их разработки людям, свою ответственность перед человечеством. Для меня было чрезвычайно важно понять, как они нашли в себе мужество в какой-то степени пойти против собственного дитя, предупреждая мир о его опасности. Опенгеймер для всего мирового научного сообщества стал символом решения морально-этической дилеммы, перед которой неизбежно оказывается ученый-ядерщик.

Фигура академика Сахарова привлекала неподкупностью и твердостью позиции, беспримерной стойкостью в общественной деятельности. В нашей сфере уже в те годы Сахаров был личностью поистине культовой, и его стремление к переменам в стране резонировало с настроениями многих молодых ученых.

В свое время меня потрясла воспоминания Сахарова, его рассказ о том, как решалась проблема «возобновлять – не возобновлять» ядерные испытания. Ученый напомнил первому секретарю ЦК и главе государства: накопленного оружия вполне достаточно, чтобы уничтожить планету несколько раз, и новые испытания нам не нужны! Хрущёв взорвался: «Сахаров, не пытайтесь диктовать нам, что делать, как себя держать! Я был бы последним слюнязем, если бы слушался таких, как Сахаров!» Спустя некоторое время над Новой Землей была взорвана водородная бомба мощностью 50 мегатонн –

по сути, это сотни Хиросим... Примечательно, что эта бомба хранилась на военном аэродроме Узина, что под Киевом, и, конечно же, киевляне об этом не знали...

Чем опыт этих ученых наиболее ценен? Во-первых, философским фундаментом их научных платформ. Мне кажется, без философии не было бы у них той широты мышления, которая и привела к знаменательным открытиям. Во-вторых, принципиальностью позиций. Они бесстрашно запускали механизм собственного саморазрушения, когда ощущали, что гибель грозит всему человечеству, всему живому. Это о таких, как они, Виктор Франкл писал, что несколько идеальных судеб, несколько интеллектуальных или нравственных гениев могут вполне оправдать существование человечества в целом...

В моем кабинете, где бы он ни находился, всегда на видном месте – фотопортрет Сахарова. Это не совсем обычный портрет – «Сахаров уходит...». Андрей Дмитриевич запечатлен в момент, когда он будто бы в последний раз оглядывается на мир, прежде чем сделать шаг навстречу небытию и вечности. Портрет-напоминание. Он меня обжигает и вдохновляет одновременно. Работа – подарок Юрия Роста, одного из лучших советско-российских журналистов.

Беря пример с Сахарова, я во многом выбрал научный путь, потому что в то время наука была своего рода зонтиком, способным защитит от тоталитарных советских реалий. Руководствовался я, в частности, глубоко подсознательным неприятием застойного «развитого социализма», подкрепленным многими впечатлениями, стремлением к возможности свободного мышления. Разумеется, далеко не все в СССР было плохо, но и не все зернышки хотелось покорно склеивать из рук партии. В самом деле, советская ежедневная действительность иногда становилась пугающей, совсем как на страницах оруэлловской антиутопии «1984». У меня лично, хотя в несдержанности вряд ли кто мог упрекнуть истового партийного работника и заведующего сектором ракетно-технической и авиационной техники, советские реалии порой вызывали банальное раздражение. Отсюда моя решительная поддержка Горбачева с его новым курсом. Могу заверить, что подобные настроения в партийной и научной элитах позднего СССР были распространены едва ли не повсеместно.

К 1988 году мне уже было понятно, к чему все идет. На последнем партсобрании аппарата ЦК Компартии Украины с участием Щербицкого, проходившем в непривычно либеральной обстановке, я был одним из двух, наряду с Кравчуком, докладчиков, которые выступали «без бумажки». Конечно, уже не вспомнить дословно содержание моего доклада, но суть его сводилась к тому, что ручейки перестройки, слившись в единую могучую реку, снесут все на своем пути. Несколько лет спустя это стало реальностью.

Рождение Национального космического агентства Украины, как и другие процессы первых лет украинской независимости, прошло, как я уже сказал, в обстановке невероятного управленческого хаоса и растерянности. Я не опасался нагнавшей независимости, но смятение тогда охватило абсолютно всех, и особенно людей, связанных с промышленностью, наукоемкими сферами, с космосом и «оборонкой». Для понимания масштаба происходивших перемен приведу такие цифры. Днепропетровский «Ожмаш» в последние годы существования СССР выпускал до сотни баллистических ракет в год, Харьковский завод транспортного машиностроения имени В. А. Малышева – около 600 танков. «Хартрон» производил сотни уникальных систем управления для пугающих американцев ракет, «Арсенал» – сотни головок самонаведения. И так по всему фронту – 1710 больших и малых предприятий!

И все это внезапно остановилось.

Огромное количество высокотехнологичных предприятий, прежде составлявших локомотив экономики, вдруг осталось без заказов, подверглось непродуманной и разрушительной конверсии, попало под удар радикальных экономических преобразований. В такой обстановке большинство руководителей, десятилетиями работавших в условиях плановой экономики, были попросту сбиты с толку, не успевали сориентироваться в бушующем вихре свободного рынка.

Конечно, были исключения. Скажем, Яков Айзенберг, который в свое время проектировал системы управления для самой совершенной в мире стратегической ракеты SS-18 «Сатана» и сверхтяжелой ракеты-носителя «Энергия». В СССР национальность долгие годы служила препятствием для его назначения главным конструктором предприятия. В 1990 году Айзенберг возглавил знаменитый

«Хартрон», став одновременно и генеральным конструктором. И сумел обеспечить выживание предприятия в новых условиях. В начале 1990-х этот невероятно талантливый и гибко мыслящий человек посещал США, даже совершал визиты в Ирак, где вел переговоры с Саддамом Хусейном о возможном сотрудничестве. Во многом именно благодаря его активной деятельности это предприятие живо и сегодня, в то время как, например, «Южмаш», к сожалению, утратил былые величие.

Чрезвычайно энергичным человеком был и генеральный конструктор ГКБ «Южное» Станислав Конохов. Он исколесил все космические агентства крупнейших космических государств, скрупулезно проанализировал перспективы новых проектов и вывел Украину на международный космический проект «Морской старт». В этом проекте Украина раскрылась как технологическая, космическая держава: собиравшаяся у нас ракета-носитель «Зенит» оказалась единственной в мире экологически чистой ракетой, которую можно было снаряжать в горизонтальном положении и дистанционно запускать.

Не менее важен и другой прорыв в украинской космической индустрии, достигнутый благодаря настойчивости и прозорливости Конохова. Станислав Николаевич инициировал вторую жизнь «Сатаны» – самой могучей советской боевой ракеты Р-36М2. Благодаря его усилиям в 1997 году была создана международная компания «Космотрас», занимавшаяся конверсией ракеты и ее пусками в мирных целях – для выведения на орбиту спутников государств-заказчиков. С 1999 по 2015 год ракеты стартовали двадцать два раза. С присущей ему энергичностью генеральный конструктор принимал активное участие и в продвижении целого ряда других международных проектов: создание ракеты-носителя «Циклон-4» в рамках украинско-бразильского проекта, разработка проекта «Наземный старт», разработка и создание двигательной установки верхней ступени для европейской ракеты-носителя «Вега», наконец, изготовление основной конструкции первой ступени американской ракеты-носителя «Антарес».

Недожизненной напористостью обладал Вячеслав Богуслаев, руководитель еще одного украинского гиганта – «Мотор Сич». Чудеса выживания и неожиданных управленческих решений демонстрировал

Михаил Борисюк – разработчик нового украинского танка и руководитель Харьковского КБ по машиностроению имени А. А. Морозова. Человек из брони! Но талантливые люди, как это всегда бывает, оставались в меньшинстве. И украинская «оборонка» в итоге оказалась, подобно шагреновой коже, сжатой и основательно деформированной.

В эти хаотичные, турбулентные годы основным органом, способным принимать хоть какие-то решения в условиях распада и дезорганизации других структур, стала Верховная Рада, первый созыв которой, на мой взгляд, был самым образованным за всю новую историю украинского парламента. Законодательная власть тогда приняла целый ряд необходимых для выживания промышленности и науки документов.

Еще одной опорой посреди управленческого разлада и массового нежелания брать на себя ответственность стал председатель Совета Министров Витольд Фокин. Запомнился один эпизод. В 1990-м, еще при формально сохраняющейся советской власти, на киевском заводе «Арсенал» и целом ряде харьковских предприятий возникли серьезные проблемы. В результате конфликта между союзным министерством оборонной промышленности и республиканским руководством наши предприятия не получали денег из Москвы. Представители «Арсенала» обратились ко мне, а я, в свою очередь, пошел к Фокину и предельно четко очертил опасную перспективу недофинансирования предприятий. Хорошо помню, как во время этого разговора сказал Витольду Павловичу, что в назревшем конфликте нам нужно пойти на уступки, и попросил поверить мне на слово.

Брови премьер-министра удивленно вскинулись:

– Почему это я вам должен верить на слово?

И я, глядя ему в глаза, без колебаний ответил:

– Потому что я еще никого не обманывал по вопросам оборонной промышленности.

Фокин не слишком склонен к проявлениям эмоций и сантиментов, но мои слова тогда вызвали у него искреннюю улыбку. Произнесенные серьезным тоном, они, естественно, несли в себе заряд юмора и расположили его ко мне. В итоге нам удалось разрешить ситуацию. А эту сцену мы оба при встречах вспоминаем до сих пор.

В условиях повсеместного хаоса, анемии промышленности и отсутствия какой-либо здоровой инициативы я занялся созданием Национального космического агентства, призванного сохранить имевшийся научный и промышленный потенциал в ракетно-космической сфере. Процесс оказался настолько сложным, что порой я ощущал себя Сизифом – как только добивался в одном кабинете нужного решения, мой тяжелый камень тут же скатывался вниз. Действительно, в необходимости создания этой структуры возникло часами убеждать несметное количество далеких от промышленности чиновников. Запомнились шестьдесят семь (!) подписей, которые понадобилось тогда получить для принятия решения.

Я всегда считал, что для достижения цели нужно сочетать два способа: слепой поиск и рациональное принятие решения. Их симбиоз часто приводит к неожиданным, интуитивным, на первый взгляд неправильным решениям, которые, однако, иногда позволяют достичь потрясающего результата. Создавая НКАУ, я выбрал логический путь – и попал в поистине кафкинский кошмар. Представьте себе: человек, участвовавший в обеспечении стратегического баланса ракетно-ядерных вооружений между СССР и США, вынужден был блуждать по министерским кабинетам, обивать пороги замшелых чиновников, сталкиваясь с откровенной недоброжелательностью, хитросплетением бюрократических интриг, снова и снова рассказывать, доказывать, убеждать – а ведь речь шла о создании совершенно очевидно необходимой структуры. Я вспомнил об этом опыте позже, когда предлагал Кучме создать орган, ответственный за решительное проведение политики национальной безопасности, независимо от того, кто в каком кресле сидит и у кого с кем какие отношения.

Я нисколько не преувеличиваю, когда говорю, что разлад управления в первые постсоветские годы достиг такого масштаба, что фактически не с кем было обсуждать серьезные вопросы функционирования индустрии, экономики как таковой. Это был коллапс исполнительной власти. Отдельной проблемой оказалось враждебное отношение ко мне как выходящу из ЦК КПУ. В частности, со стороны депутатов от Народного Руха, которые часто выдвигали совершенно нереалистичные, популистские инициативы. Иллюзорные, сказочные идеи выдвигались, как мыльные пузыри, потоком. Например,

предложение немедленно создать собственную стратегическую ракету. Мне кажется, что именно эта их некомпетентность, тотальная неспособность жить в реальном мире породили мое отторжение от политики как поприща.

В конечном счете космическое агентство удалось создать. В этом мне очень помог Ярослав Яцив, который на обсуждениях в Верховной Раде, где мои выступления часто вызывали холодную отстраненность у представителей Руха, умел изощренно повернуть дискуссию в конструктивное русло, при этом в целом разделяя мои взгляды, но преподнося их в иной, более близкой нардепам-популистам «обертке». Смена фантиков помогла сдвинуть процесс создания агентства с мертвой точки. Кроме того, Яцив сумел подвести под эту идею фундамент Национальной академии наук, а затем Борис Евгеньевич Патон и он способствовали моему назначению на пост гендиректора НКАУ.

В первый состав НКАУ вошли пять человек – компетентных специалистов из Харькова и Днепропетровска, с которыми мы в течение трех месяцев подготовили первую Национальную космическую программу Украины на 1992–1997 годы. Из этой первой пятерки особенно хотелось бы выделить Эдуарда Кузнецова – бывшего секретаря Черновицкого обкома КПУ по идеологии, затем ставшего одним из самых успешных пропагандистов украинской ракетной техники за рубежом, особо плодотворно работавшего с соответствующими структурами США. Еще, конечно, Олег Уруский и Анатолий Завалишин, которые оказали неоценимую поддержку первым шагам украинского космического дитяти. Впоследствии дитя выросло и стало самостоятельным игроком на международном рынке, а с Олегом Семеновичем и Анатолием Павловичем мы потом вместе преодолели не одну преграду.

Не могу не вспомнить также Валерия Шмарова, который выгодно выделялся на общем фоне управленческого аппарата времен Кравчука, а затем во времена президентских каденций Леонида Кучмы внес солидный вклад в реализацию многих жизненно важных для безопасности государства решений. Я хорошо знал его по Киевскому радиозаводу, где он был комсоргом и начальником сборочного цеха. А позже, с конца 80-х годов, возглавил Жулянский машиностроительный завод «Визар», который занимался продлением срока

эксплуатации зенитных управляемых ракет для современной зенитно-ракетной системы С-300. Он превосходно знал и технику, и особенности оборонных производств, а в тяжелых условиях первых лет независимости очень многое сделал для сохранения промышленного потенциала. С осени 1992-го Шмаров работал как моим первым заместителем. После сдачи дел на предприятии он присоединился к нашей небольшой команде, посвятившей себя развитию национальной космической индустрии. Когда Леонид Кучма в 1992 году стал премьер-министром и столкнулся с определенными трудностями в управлении промышленностью, я посоветовал ему обратить внимание на личные качества и знания производственной конъюнктуры, присущие Валерию Николаевичу. Вскоре Шмаров был назначен на должность вице-премьер-министра Украины по вопросам деятельности военно-промышленного комплекса, а через год стал и главой военного ведомства. Это был первый опыт такого совмещения должностей, и впервые гражданское лицо заняло пост министра обороны в Украине. Опыт оказался противоречивым, но, как показало будущее, очень полезным.

Вклад Шмарова в обеспечение первых успешных шагов украинской космической индустрии поистине неограничен. Началось все с неожиданного визита ко мне как руководителю космического агентства первого американского посла в Украине Романа Попадюка. Выходец из семьи эмигрантов с запада Украины, он искренне стремился помочь нашей стране реализовывать наши национальные интересы, и в том числе космические. Ведь Украина небезосновательно входила в пятерку космических держав планеты.

Тот, казалось бы, рядовой визит дипломата оказался судьбоносным для космической истории Украины. Посол помог в 1993 году установить личные и весьма теплые отношения с тогдашним руководителем американского аэрокосмического агентства НАСА Дэниелом Голдином. И вот тут заметную роль сыграли генеральный конструктор КБ «Южное» Станислав Конохов и уже вице-премьер Валерий Шмаров. Когда Голдин приехал с визитом в Украину и вживую увидел ракетные разработки днепропетровских конструкторов, они произвели на него неизгладимое впечатление. Думаю, как специалист высокого уровня, понимающий многие технологи-

ческие нюансы ракетного дела, он был шокирован. Затем логически последовала наша очередь: в 1994 году я полетел в США вместе со Шмаровым, и там впервые была озвучена возможность полета украинского космонавта в составе международной команды.

Разумеется, окончательно разрешил ситуацию уже Леонид Кучма, который в декабре того же года побывал в США с первым визитом уже в качестве президента Украины. Так творилась новая история Украины, и наш Леонид Каденюк в 1995 году оказался в группе космонавтов Национального космического агентства Украины. А 19 ноября – 5 декабря 1997-го он совершил исторический космический полет в качестве специалиста по полезной нагрузке на американском космическом корабле-шаттле «Колумбия», где, среди прочего, выполнял эксперименты Института системных исследований человека по тематике «Человек и состояние невесомости». А наши деловые отношения с Дэниелом Голдином сохранились вплоть до его ухода в отставку*.

Описанные успешные шаги, к сожалению, были нечастым явлением, если говорить об управлении украинским государством в целом. На мой взгляд, подавляющее большинство кадров, управлявших страной в то время, страдали некомпетентностью и неготовностью к принятию каких-либо решений. Сталину приписывают формулу: «Кадры решают все». Так вот, кадры времен президента Кравчука в буквальном смысле ничего не решали. В массе своей они были готовы утопить любой вопрос в тушопорожной ловушке. На их фоне редкие люди, сохранившие самообладание и владевшие необходимыми в это пасмурное время навыками, ярко выделялись.

Конечно, события первых лет украинской независимости неотъемлемы от фигуры Леонида Макаровича Кравчука – личности неординарной и неоднозначной. Правда, он не был замечен в стремлении безоговорочно растворить, подобно жемчужине в вине, собственную жизнь в текущем политическом контексте. Тем не менее Кравчук – несомненно, один из редких в украинской политике подлинных интеллектуалов, образованных людей, определенно достойный уважения современников.

* См. Приложение 2. – Прим. автора.

Я хорошо запомнил, как мы готовили выступление Шербицкого на заводе «Арсенал» в 1978 году. Кравчук как идеолог отвечал за основную, общую часть речи, а за мной была техническая сторона. Меня тогда невероятно впечатлило его незаурядное литературное мастерство, тонкое понимание языковых нюансов. Если же говорить о политических перипетиях, то судьбоносное решение 1991 года в Беловежской пуще было принято Леонидом Макаровичем в сложнейших условиях. Но он не дрогнул и взял на себя ответственность за последствия. Одно только это делает его достойным огромного уважения, о таком глубоком к нему уважении мне говорили и Станислав Шушкевич, и Геннадий Бурбулис. Что же касается его неготовности к президентству, проявившейся впоследствии, то для меня она стала очевидной очень быстро: когда я понял, что он, будучи идеологом, совершенно не понимает ни людей промышленности, ни самой промышленности. И в целом слабо ориентируется в экономике. К сожалению, сам он всегда это отрицал, не принимая аргументов и упреков, – таков уж его характер.

Будем честны: именно со времен президента Кравчука в стране стала набирать обороты тенденция создания конфликтности внутри власти, что всегда отзвигивает на себя львиную долю политической энергии. А когда власть слишком увлечена войной полномочий, до стратегических решений и масштабных задач попросту не доходят руки. И президент становится похожим на большого паука, плетущего паутину интриг. А главы других ветвей власти – на паучков помельче, но все старательно плетут свои паутинки.

В результате скромная история независимости Украины уже почти приучила общество довольствоваться поверхностными решениями, принятыми в результате столь же поверхностных компромиссов. А последние годы, в том числе бескомпромиссная война против нас России, убеждают, что современный мир представляет собой весьма агрессивную среду с непредсказуемыми сценариями развития. И Украина в этом мире все еще выглядит беззащитной страной с двусмысленной парадигмой обеспечения национальной безопасности. Хотя, к счастью, война устранила системную уязвимость украинца, воплощенную в его пресловутой амбивалентности.

Мне запомнился и первый министр обороны независимой Украины – Константин Морозов. Став министром, он пригласил меня

к себе, чтобы проконсультироваться по вопросам, связанным с оборонно-промышленным комплексом. В то время я с группой специалистов из отдела оборонной промышленности при ЦК КПУ перешел в Кабинет Министров и создал в отделе мобилизационной работы подразделение по работе с ОПК. Наш разговор занял не больше получаса, и мне стало ясно, что интерес, который Морозов проявляет к «оборонке», искренний, но сам министр отнюдь не является профессионалом в этой области. Фактически наши контакты этим разговором и ограничились. Последующие поездки министра в США, где его поначалу встречали с беспрецедентной по отношению к украинскому чиновнику помпезностью и торжественностью, у меня вызвали неодобрение.

Несколько позже, уже в ходе моих визитов в США, мне приходилось слышать от тамошних представителей сферы национальной безопасности практически дословно следующее: министр обороны не должен летать на истребителе, его задача – поддерживать вооруженные силы в состоянии боевой готовности для отражения агрессии извне. На мой взгляд, к решению таких задач Морозов не был готов, поэтому достаточно быстро покинул пост министра, передав полномочия Виталию Радецкому – профессиональному военному, окончившему Военную академию имени М. В. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба Вооруженных сил имени К. Е. Ворошилова.

В первые годы самостоятельного плавания Украины многие проявили себя на неожиданных поприщах. Скажем, Вячеслав Богуслаев оказался не только талантливым промышленником, но и сыграл определенную роль в политической истории Украины. Он фактически первым в Украине начал корпоратизацию госпредприятия, создавая на базе Волочынского машиностроительного завода успешную частную компанию по производству авиационных двигателей «Мотор Сич». Богуслаев довольно смело подошел к реализации задачи акционирования предприятия и одним из первых понял, какую угрозу несет оборонной промышленности распад СССР. Поскольку практически все военные самолеты производились за пределами Украины, резкий разрыв кооперационных связей мог нанести смертельный удар заводу, выпускавшему авиадвигатели, да и запорожскому КБ «Прогресс», которое их проектировало.

Я познакомился с Богуслаевым на излете советской эпохи, в 1989 году, уже тогда мы обсуждали возможные угрозы и пути их устранения. Впоследствии Богуслаев понял, что выживание промышленности в целом и АО «Мотор Сич» в частности при президенте Кравчуке фактически невозможно. Очень скоро эти настроения стали господствующими в «директорском корпусе»: практически все руководители крупных предприятий Украины осознали и глубину экономического коллапса, в который погружалась страна, и необходимость скорейших перемен. Осознавали это, в частности, и Ефим Звягельский, в 1993–1994 годах исполнявший обязанности премьер-министра, и его донецкая команда, но именно вокруг Богуслаева промышленники фактически начали объединяться.

Рост недовольства среди промышленников во многом подтолкнул Кравчука к досрочным выборам 1994 года. Таким образом, в этом смысле мифический «заговор директоров» действительно существовал. Но он не был как-то внятно оформлен и не был направлен лично против Кравчука, скорее являлся следствием осознания очевидного: президент как идеолог не понимает экономики и не способен справиться с нарастающим кризисом. Я полностью разделяю это мнение – в 1992 году я посетил заседания Совета обороны и Совета национальной безопасности, тогда единого СНБО еще не существовало. И был крайне разочарован услышанным, раздосадован некомпетентностью в вопросах функционирования оборонной промышленности, неадекватным подбором кадров. Попытки донести мое мнение до Кравчука встретили неожиданно резкий отпор, и больше меня на заседания этих структур не приглашали.

К тому времени Украина готовилась перевернуть первую страницу своей новейшей политической истории и вступить в новую эпоху – период правления Леонида Кучмы.